

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПАТРИАРХАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»

О. П. ИНГЛ,

*кандидат филологических наук, преподаватель русского языка
и литературы Чарльстонского университета
(г. Чарльстон, США)*

В эпосе «Масторава» А. М. Шаронова Золотой век Тюштяна сменяет Век ворогов. Ханы со своими ордами нападают с юга и востока на Мастораву, а ее войска возглавляют сначала девушки и позже молодой отшельник. Возникает вопрос: почему это не «профессиональный» военачальник? Возможно, причина заключается в кризисе патриархального правления, который метафорически представлен борьбой эрзян против внешних врагов-захватчиков, как и в «Илиаде» Гомера, где война может символизировать кризис власти в Древней Греции. В этом ракурсе «Илиада» рассматривается в книге «Имманентное творчество: от структуры к смыслу в традиционной эпической поэзии» Дж. М. Фоли [5], ученика известного эпосоведа Альберта Б. Лорда, и статье Ф. Гойе «Структура повествования и политическая конструкция: эпос в работе» [6]. Гойе анализирует, как эпический певец показывает войну в качестве апогея кризиса правления и представляет слушателям способы выхода из него, предлагает альтернативы власти. Нам кажется, что это же прочитывается в эрзянском эпосе.

«Масторава» основана на устной традиции, поэтому ее можно сравнить с традиционными устными эпосами. Однако в ней литературно обработанные фольклорные тексты сведены воедино со сказаниями, написанными автором на материале устно-поэтических сюжетов и мотивов. В частности, в четвертой части «Век ворогов» автор выражает свое мировоззрение и искусно стилизует свои сказания под традиционные эпические песни по форме и содержанию.

Открывает «Век ворогов» сюжет о деревенской сироте Киляве. С востока и юга идут на эрзян «батыи» и ногайцы. Названия и имена указывают на определенное историческое время. Монгольский хан Батый правил в 1227–1255 гг., ногайцы – исторический народ Северного Кавказа. В этот период у эрзян не было царя – организующей силы. На борьбу с врагами поднимаются героини-женщины. Сирота (можно интерпретировать как «дочь всего народа») девушка-красавица Килява задушила хана, побила почти все его войско и, обесилев от ран, умерла (подробно образ Килявы и всю часть «Век ворогов» рассматривает Е. А. Федосеева [2, 153–186]). На месте ее гибели выросла береза. Килява переплотилась в другую форму:

Тихо она веточки качала,
Ласково листочками шептала,
Трепетно листочками звенела.
Стройной девушкой она стояла.
Будто из сырой могилы вышла,
Землю отряхнув, сама Килява [3, 194].

Подобный мотив звучит и в былинном богатырском эпосе, в сюжете, когда богатырь, перебив несметное войско, погибает и становится частью природы, часто рекой (например, в былине о Сухмане). В сюжете о Киляве очевидны древние мифологические истоки.

А. М. Шаронов в «Веке ворогов» показал, что во время кризиса власти, в период внешнего хаоса естественно обращение к внутреннему, духовному началу. Он реализовал потенциал эпического жанра, написав эпическую версию эрзянской истории, основанную на собственном понима-

нии устной традиции. В ней представлена история раннего государства, во многом еще мифологическая. Языческие корни народной культуры, до сих пор бытующие обряды и традиции (например, похоронный обряд и культ предков) позволяют увидеть в «Мастораве» отголоски шаманства, которые также заметны при сравнительном анализе «Масторавы» и «Калевальы» [1]. Научных работ по эрзянскому шаманизму нет, но по финскому есть. Самая основательная из них – «Мифические образы и шаманизм: взгляд на калевальскую поэзию» А.-Л. Сикалы [7], в которой автор показывает взаимосвязь традиций финских колдунов и шаманов финно-угров Сибири. С нашей точки зрения, нет противоречия в том, что в «Мастораве» прочитывается большой символизм, чем имел в виду ее создатель.

Итак, в сказании о Киляве в отсутствие правителя, который своей властью был бы способен объединить воинские силы, простая девушка выступает против врагов, но погибает и переходит в мир неодоушевленной природы. Здесь просматриваются безусловная метафора, аллегория и символизм, восходящие к первобытному мифологическому мышлению.

Следующий сюжет посвящен богатой княгине Нарчатке. Дворец у нее с охраной, большой и высокий, какой когда-то был у царя Тюштяна. Она молодая красавица. Заметим, что мокшанки и эрзянки в эпосе – всегда красавицы, в чем проявляется эпическая типология. Национальные герои отличаются красотой, умом и всевозможными положительными качествами. Физическая красота девушки обрамляется ее богатством и великолепными нарядами. Нарчатка – легендарная правительница, у нее, как у сказочного персонажа, есть волшебные помощники: орел и конь. Войско под ее предводительством перебито ханом Тагаем, а сама она погибла в реке Мокше. Предание гласит, что иногда Нарчатка выходит из реки. В народных представлениях она не умерла, а перевоплотилась в мифологическое существо, обещавшее, когда настанет срок, вернуться. Здесь также очевидны мифологические (шаманские) истоки. Считалось, что

шаманы обладали способностью путешествовать в мир мертвых и возвращаться в мир живых. Нарчатка – не простая девушка, как Килява, а княгиня, которая сказала: «...не боюсь врагов я,/ потому что нет страха в моем сердце» [3, 198]. Если у нее нет страха, то ее вполне можно отнести к эпическим героям, которые встают на защиту своего народа. Однако Нарчатка не смогла противостоять войску ногайского хана и погибла. Автор таким образом показал, что даже самая сильная женщина-правитель не может стать альтернативой патриархальной царской власти.

Без правителя в тяжелые времена разрозненный и запуганный народ прячется в лесах от врагов. Шаронов меняет масштаб с индивидуума на народ, чтобы показать необходимость объединения для сопротивления полчищам врагов. В сказании «Арса» люди начинают собираться:

Умные и смелые, кто строго
Берегут закон свой и обычай,
Те друг другу руки протянули
И одно желание лелеют:
Думают спасти страну родную,
Сохранить хотят свои законы,
Век Тюштянский возродить стремятся [3, 205].

Эти строки выражают идею восстановления старого гармоничного уклада жизни. Разрозненный народ хочет объединиться, и старики (старейшины-патриархи) на сходе объявляют, что им нужно найти царя. Сплоченность микросоциума изнутри инициирует появление нового героя. Им становится Арса, живший в дупле величественного дуба, Мирового Дерева, который «...жалостлив душой и чуток сердцем <...> Был он вроде бы обыкновенный,/ Лишь огни в глазах его горели» [3, 206]. Этот «обыкновенный» юноша «...понимает/ Языки зверей и птиц небесных,/ Говорит с деревьями лесными...» [3, 207]. (И вновь налицо шаманские признаки героя.) Старики нашли, казалось бы, идеального вождя для лесного мирного народа. Очевидно традиционное предпочтение патриархальной власти. Любопытно, что старейшины не избирают царем самого достойного из своего круга, а ищут молодого, не испорченного жиз-

нию в обществе человека. Однако именно из-за неопытности он погубил войско и не смог защитить народ. Перед началом сражения Арсу соблазнила красавица, и он забыл о битве. Когда же он опомнился, благодаря своему волшебному коню перебил часть вражеского войска. Посреди битвы он увидел, что из-за него погибло бесчисленное количество сородичей, и застыл в ужасе раскаяния. Тогда «...матушка-земля от сна проснулась/... стала/ засыпать песком врагов поганых...» [3, 209]. То есть мужчина, даже обладающий сверхъестественными способностями, тоже не справился с полчищами внешних врагов, и ему на помощь пришла сама Земля. Арса бесследно исчез. Похоже, что волшебные кони унесли его на небо. Вопрос о правителе остался нерешенным.

В сказании о Кастуше простая девушка спасает осажденный город-крепость Обран, коромыслом и кадушкой перебив столько ногайцев, что те, которые уцелели, увидев землю, усеянную мертвыми, в ужасе оставляют осаду: «Если у них девушки такие./ Сильные и смелые, то парни./ Знать, еще сильнее и смелее?» [3, 213]. Кастуша погибла. На похоронах, «...как велел обычай лет старинных –/ Русский и эрзянский – нарядили/ Кастушу невестой на венчанье» [3, 213]. В этом балладно-эпическом сюжете обычаи русских и эрзян перемешиваются. Не крепостные стены спасают город, а простая девушка-иногородка. Некие лесные жители, женщина и ее сын Виртян, чудесным образом исцеляют девушку с помощью Инешкипаза. Далее Виртян и Кастуша попадают в балладно-драматическую коллизию: «Сильная любовь у них рождалась./ И, как пламя ровное, горела./ Дом большой построили средь леса...» [3, 214]. Неожиданно Виртян пропадает, Кастуша отправляется его искать и попадает в плен к хану. Даже свирепого хана изумляет сила молодой женщины, и он отпускает ее: «...и сказал уже совсем без злобы:/ “Не ищи ты, девушка, Виртяна.../ Он убит среди пустого поля...”» [3, 215]. Образ врага, смягчившегося от восхищения силой героини, скорее драматический, чем эпический: враг ослабел перед непонятной ему неземной силой.

Кастуша находит Виртяна, ставшего ветлой (ивой), сама умирает и превращается в березу. Даже супружеская пара, обладающая сверхъестественной силой, духовной и физической, не смогла одолеть врагов. Родители погибшей Кастуши отправляются на ее поиски:

Утешают люди их повсюду,
Так везде им говорят, жалея:
– Все сегодня, Вельмака, в несчастье,
Все сегодня, Кинява, в печали.
Никого зло это не минуло,
В каждый дом оно вошло надолго,
Вот у нас теперь какие песни,
Вот о чем поют теперь, рыдая [3, 218].

Мрачность картины усугубляют песни-баллады о плененных ногайцами-татарами эрзянах и мокшанах. Кто же сможет победить внешнего врага и восстановить порядок? Идеальный правитель Золотого века ушел, ни ему, ни его времени нет возврата. Избранные мифологические «шаманы»-правители (простая девушка, легендарная княгиня, лесной отшельник) выиграли духовную битву с легионом врагов, но бремя земной власти им оказалось не по силам.

Последняя глава «Масторавы», «Новый век», разрешает вопрос о власти и заканчивается тем, что Иван Грозный берет Казань (с помощью легендарной эрзянской девушки Саманьки), побеждает могучего врага и присоединяет к своим владениям эрзянские земли. Русский царь разбивает войска захватчиков и восстанавливает порядок мирного времени. Кризис патриархальной власти на эрзянских землях заканчивается переходом эрзян под власть русского царя. Автор эпоса подводит нас к нескольким выводам. Во-первых, нет альтернативы патриархальной власти. Во-вторых, даже высокоразвитые в духовном и культурном отношении этносы не могут устоять против натиска народов, более организованных в военном отношении, с мощной централизованной политической властью. Это в эпосе «Масторава» А. М. Шаронова утверждают народная мудрость, историческая реальность и авторское мировидение.

Поступила 18.07.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Ингл, О. П.* Книжные формы эпоса финно-угорских народов : типология и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. П. Ингл. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2015. – 24 с.
  2. *Федосеева, Е. А.* Книжные формы мордовского героического эпоса : Возникновение и эволюция / Е. А. Федосеева. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2007. – 212 с.
  3. *Шаронов, А. М.* Масторава / А. М. Шаронов. – Саранск : Эрзянь Мастор, 2010. – 264 с.
  4. *Шаронова, Е. А.* Мифологические сюжеты о сотворении мира и человека в эрзянском эпосе «Масторава» // Вестник финно-угроведения. – 2014. – № 3. – С. 82–91.
  5. *Foley, J. M.* Immanent Art : From Structure to Meaning in Traditional Oral Epic / J. M. Foley. – Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 1991. – 278 p.
  6. *Goyet, F.* Narrative Structure and Political Construction : The Epic at Work // Oral Tradition. – 2008. – № 23/1. – С. 15–27.
  7. *Siikala, A.-L.* Mythic Images and Shamanism : A Perspective on Kalevala Poetry // FF Communications ; ed. by H. Bausinger. – Helsinki, 2002. – Vol. CXXX, #280. – 423 p.
1. *Ingle, O. P.* (2015), Literary Forms of the Finno-Ugrian Epics: Typology and Poetics, Abstract of the Dissertation (Candidate Sc. {Philology}), Saransk: Mordovia University Press.
  2. *Fedoseyeva, E. A.* (2007), Literary Forms of the Mordovian Heroic Epic: Emergence and Evolution, Saransk: Mordovia University Press.
  3. *Sharonov, A. M.* (2010), Mastorava, Saransk: Erzyan Mastor.
  4. *Sharonova, E. A.* (2014), Mythological Plots about the Creation of the World and Man in the Erzyan Epic “Mastorava,” Bulletin of the Finno-Ugric Studies, № 3, p. 82–91.
  5. *Foley, J. M.* (1991), Immanent Art: From Structure to Meaning in Traditional Oral Epic, Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
  6. *Goyet, F.* (2008), Narrative Structure and Political Construction: The Epic at Work, Oral Tradition, № 23/1, p. 15–27.
  7. *Siikala, A.-L.* (2002), Mythic Images and Shamanism: A Perspective on Kalevala Poetry in Bausinger, H. (ed.), FF Communications, Vol. CXXX # 280, Helsinki.